н. А. МЕЩЕРСКИЙ

К ВОПРОСУ О ВИЗАНТИЙСКО-СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ

Около ста лет назад предполагалось само собой разумеющимся, что любое произведение древнерусской, древнеболгарской или древнесербской литературы, если только оно выходит за пределы узкоместной тематики, обязательно должно признаваться восходящим к какомулибо, может быть, и не дошедшему до нас византийскому оригиналу 1.

В дальнейшем наша наука, в лице таких исследователей византийско-славянских литературных отношений, как А. И. Соболевский, В. М. Истрин, М. Н. Сперанский и др., уточнила представления о степени и характере действительной зависимости славянских литератур от византийских оригиналов.

Однако и до нынешнего дня почти нет работ, где выяснялись бы конкретно те пути и способы, которыми в славянские литературные произведения проникали сведения о жизни византийского общества и о его истории.

Византийско-славянские литературные связи многообразны. Лучше всего они прослеживаются на материале церковной догматики и патристики, литургики и гимнографии, агиографии и гомилетики. Что же касается таких областей, как апокрифическая литература, собственно беллетристические произведения (например "Девгеньево деяние") и в особенности хронографическая литература, которую мы вслед за академиком А. С. Орловым могли бы назвать "исторической беллетристикой", то здесь пока едва ли начаты хотя бы предварительные исследования.

За последние годы в нашей науке раздаются справедливые голоса, указывающие на значительную степень самостоятельности славянских литератур. Один из видных советских историков-византинистов Е. Э. Липшиц пишет: "В отличие от современных переводчиков литературных памятников, переводчики средневековья далеко не всегда и далеко не во всем стремились точно воспроизводить оригиналы. Они подходили к материалу более активно... Не следовало ли бы поставить вопрос о том, что, может быть, и славянские переводчики подобным же об-

¹ Очень показательно в этом отношении, например, замечание Ф. М. Достоевского, который в "Братьях Карамазовых" устами Ивана Карамазова во вступлении к "Легенде о Великом инквизиторе" говорит так: "У нас по монастырям занимались тоже переводами, списыванием и даже сочинением таких поэм, да еще когда — в татарщину. Есть, например, одна монастырская поэмы (конечно, с греческого) — "Хождение богородицы по мукам", с картинами и со смелостью не ниже дантовских" (Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. IX. М., 1958, стр. 310).

разом творчески пересматривали текст, приспосабливая его ко вкусам своей страны, своего народа и своего времени?" 2

Особенно большой интерес представляют для нашей науки древние славянские переводы произведений византийских хронистов: Иоанна Малалы, Георгия Амартола, Симеона Логофета, Манассии и др. Эти переводы во многом способствовали развитию самостоятельного летописания в славянских странах, в частности в древней Руси. Хроники на славянской почве подвергались многократным переработкам, объединялись в различных компиляциях, распространялись и дополнялись своеобразными вставками, а также сокращались переводчиками и редакторами в тех местах, где это им казалось необходимым. Особенно активно перерабатывались переводы византийских хронистов в Киевской Руси, где, как известно, на их основе уже в XI в. возникли многочисленные и разнообразные всемирно-исторические своды, дошедшие до нас под названием "Летописцев Еллинских и Римских" (в разных редакциях) "Архивского" или "Виленского хронографа" и др.3

Эти древнерусские сборники хронографического содержания как дореволюционными, так и советскими литературоведами обыкновенно называются "историческими компиляциями" 4. Думается однако, что такое обозначение излишне подчеркивает несамостоятельность древнерусских авторов, которые, безусловно, критически и сознательно относились к привлекаемым ими источникам и пользовались ими для своих, выдвигаемых потребностями древнерусского общества, целей. Иногда эти авторы сами отдавали себе отчет о характере своей литературной деятельности и называли составляемые ими произведения "сводами". Так, например, обозначены неразрывно связанные тексты "Истории" Иосифа Флавия и "Хроники" Георгия Амартола в Вилен-

ском хронографе⁵.

Из таких сводов и черпали в первую очередь древнерусские литературные деятели свои сведения по истории, мифологии и литературе античности. Эти произведения были также источником обширных сведений по церковной и гражданской истории Византии, которые мы находим у русских авторов XV и XVI вв., например у Иосифа Волоцкого или Ивана Грозного. Насколько внимательно Иосиф Волоцкий читал и изучал древнерусские переводные памятники хронографического содержания, показывает тот факт, что в его "Просветителе" (Слово второе) сохранились следы древнерусского перевода "Хроники" Георгия Синкелла, перевода, который исчез почти бесследно, если не считать ничтожных отрывков из него в двух мало распространенных исторических сводах. Иосиф Волоцкий воспользовался этой хроникой при объяснении буквенного счета. К хронографическим сводам, по-видимому, восходит и хорошее знакомство Иосифа с "Рыданием о запустении Великого града", написанным свидетелем и современником захвата турками византийской столицы Иоанном Евгеником. Это произведение в почти современном ему древнерусском переводе в соединении с "Историей" Иосифа Флавия находится в так называемом "Академическом" хронографе.

² Е. Э. Аипшиц. Какое значение имели старославянские переводы с греческого в формировании древнеславянских литератур? "Сборник ответов на вопросы по литературоведению". М., 1958, стр. б.

3 См. характеристику этих древнерусских хронографических сводов: В. М. И с трин. "Хроника" Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. II. IIгр., 1922, стр. 353—408.

4 См., например, Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие

инославянские литературы (Доклад IV Международному съезду славистов). М., 1958,

⁵ См. Н. А. Мещерский. "История Иудейской войны" Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 473.

Прямые цитаты из "Рыдания" обнаруживаются в недавно исследованном Я. С. Лурье "Послании вельможе Иоанну". Этот памятник был, как доказывает Я. С. Лурье, написан Йосифом Волоцким в 1494 г.6

Болгарский исследователь профессор И. С. Дуйчев устанавливает, что "у Ивана Грозного были не отрывочные и разрозненные, а стройные и упорядоченные знания из прошлого Византии". В частности, \mathcal{A} уйчев с полным основанием сопоставляет отрывки из "Посланий" Ивана Грозного с текстом древнеславянского перевода хроники Симеона Логофета, говоря об отражении событий, связанных с царствованиями императоров Ираклия и Юстиниана "Корноносого" (Ринотмета). В заключительной части статьи автор считает, что "необходимо далее точно установить использованные им (Иваном Грозным — $H.\ M.$) источники и проверить, все ли было использовано в переводах, или в некоторых текстах он каким-то путем добрался до первоисточников"7. По-видимому, все же главным источником Ивана Грозного по византийской истории являлись наряду с отдельными агиографическими материалами именно древнерусские хронографические своды.

Наконец, преимущественно из хронографических произведений вносились более или менее пространные выдержки в текст древнерусских летописей. Такова, например, обширная выдержка из "Хронографа по великому изложению" в Ипатьевской летописи под 1114 годом.

В ряду всемирно-исторических сводов, составленных в древней Руси, одним из наиболее интересных по своему содержанию и литературной судьбе памятников следует признать так называемый "Летописец Еллинский и Римский", в особенности в его второй редакции ("Еллинский летописец" так называемого второго вида). В трудах А. А. Шахматова, В. Й. Истрина, К. К. Истомина еще в начале века было высказано несколько важных положений, касающихся его датировки ⁸.

Сравнительно недавно Д. С. Лихачев ввел в научный оборот новый список этого произведения 9 (один из наиболее древних и исправных). Им же был сделан ряд имеющих существенное значение наблюдений над литературной традицией этого памятника в Московском государстве в XV в. Однако до сих пор еще ни состав этого всемирно-исторического свода, ни его рукописная традиция совершенно не изучены. Памятник, несмотря на предпринятую в свое время попытку К. К. Истомина, остается неизданным 10. Тем более мы не можем назвать работ, в которых делались бы шаги к более глубокому и всестороннему изучению этого имеющего чрезвычайно важное значение в развитии древнерусской литературы памятника.

⁶ Я. С. Лурье. Послание вельможе Иоанну о смерти князя. "Slavia", XXVII,

⁶ Я. С. Лурье. Послание вельможе Иоанну о смерти князя. "Slavia", XXVII, 2. Praba, 1958, р. 216—225.

7 См. И. Дуйчев. Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного. ТОДРА, т. XV, 1958, стр. 157—176.

8 В. М. Истрин. Из области древнерусской литературы. Древнерусские словари и "Пророчество Соломона". ЖМНП, 1903, октябрь, стр. 201—218; А. А. Шахматов. Новая хронологическая дата в истории русской литературы. ЖМНП, 1904, январь, стр. 174—179; К. К. Истомин. Некоторые данные о протографе Еллинского летописца. Там же, стр. 3—16.

9 Д. С. Лихачев. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV века. ТОДРА, т. VI, 1748, стр. 100—110.

¹⁰ Предпринятое за несколько лет до первой мировой войны Археографической комиссией издание "Еллинского летописца" второй редакции должно было быть осуществлено трудами К. К. Истомина, Однако это издание так и не увидело света. Сверстанные корректурные его листы находятся ныне в Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР, где мне и удалось их использовать.

В составе этой редакции памятника, по предположению А. Попова, насчитывается 24 вставных повести; источники многих из них до настоящего времени не установлены.

В качестве заключительной части известных нам полных списков, содержащих текст "Еллинского летописца" второй редакции, или второго вида, выступает особая повесть "О Козарине и о жене его".

Еще А. Н. Попов в 1866 г. обратил внимание на эту повесть и напечатал ее полный текст по Синодальному списку № 86 (XVI в.) 11. Насколько мне известно, после этого "Повесть" больше не издавалась и не подвергалась изучению. В приложении мы даем текст повести целиком по списку БАН № 33.8.13. (конец XV в.) с разночтениями по Синодальному списку № 86.

Содержание повести "О Козарине и о жене его" вкратце состоит в следующем. Византийский император, которого повесть называет "Козарином", имеет жену, родом из "тех же козар". Другой царь, восстав против него, лишает его царства и отправляет с женою в далекую ссылку, где подвергает заточению. Находясь в заточении, Козарин обращается к богу со слезной молитвой. Вскоре ему удается с помощью воинов, находившихся в той стране, которым он обещал "саны и чести и дары многы", возвратиться в Константинополь. Там, спрятавшись с воинами в засаде, он подстерегает своего обидчика, и ему удается убить его при выезде на охоту. Вернувшись к власти, Козарин забывает о своей прежней супруге, делившей с ним несчастья, и берет себе другую жену.

Оставленная жена, услышав обо всем этом, возвращается в Константинополь, обращаясь при этом как прежде и ее муж, с молитвой к богу и богородице. В Константинополе она идет одна, "не имущи помощника, токмо пресвятую богородицу", на царский двор; там она останавливается возле палаты и просит вызвать к ней новую царицу, ее соперницу. Та оказывается "милостива отинудь убогым и обидимым помощница". Вначале придворные не пропускают старую жену и смеются над нею: "Что уродуеши, жена бо еси сущи?" Однако новая царица, узнав о происшедшем, сама выходит на двор и спрашивает: "Что имаши прю со мною?" Обиженная объясняет ей все. Тогда новая царица признает права прежней жены и "дасть ю мужеви своему", а сама удаляется из царской палаты.

Некоторые языковые особенности этой "Повести", текст которой сохранился лишь в относительно поздних списках (не старше XV в.), свидетельствуют как о значительно большей ее древности, так (с определенной долей вероятия) и о русском, а не болгарском ее происхождении. Так, мы постоянно обнаруживаем в тексте "Повести" правильное употребление причастных форм, согласованных в роде и числе, находим в ней сочетание "гы" в слове "погыбая" (по наиболее сохранному — Академическому — списку), а также "ы" после заднеязычных согласных в словах: "многы", "пакы" и др. В словах с сочетанием "жд" последняя согласная всегда пишется как выносная, что характерно для русских списков XV в., списанных с правленных в результате так называемого "второго южнославянского влияния" оригиналов. В словах часты церковнославянские падежные флексии имен существительных и прилагательных, активно усвоенные древнерусским письменным языком XI—XII в., например "от бъды сея" (с буквой "малый юс" на конце). Церковнославянизмы с буквой "щ" являются обычными для древнерусских памятников того времени. Наконец, типично употребле-

¹¹ А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, т. І. М., 1866, стр. 94—95.

ние числительного "одина" с восточнославянской огласовкой; это слово, вероятно, восходит к протографу, так как именно в таком написании встречается во всех списках 12. Таким образом, в "Повести" перед нами типичный церковнославянский язык в его древнерусском изводе, лишенный заметных черт болгарского воздействия, которые обычны как в южнославянских списках древнеславянских произведений, так и в русских списках, сделанных с южнославянских оригиналов. Замечательна монументальная лаконичность памятника.

Попытаемся установить историческую основу повествования. Его сюжет, по-видимому, отражает подлинные события придворной жизни Византии на рубеже VII и VIII столетий. В лице царя "Козарина" перед нами, по всей вероятности, выступает император Юстиниан II, история жизни которого рассказана в трудах нескольких византийских хронистов, а наиболее подробно — у Георгия Монаха и Кедрина.

"Повесть" сохранила лишь самое общее описание действительных событий. Правильно отмечена связь императора Юстиниана с Хазарией, но совершенно неправомерно он сам назван "Козарином". Правильно указывается на хазарское происхождение его жены и на ее возвращение к мужу в Константинополь, но ничего не сказано о ее сыне. Не имеют обоснования в исторических хрониках такие моменты повести, как женитьба императора на второй жене и добровольный отказ последней от своих прав в пользу несправедливо обиженной первой жены.

Интересно сопоставить ряд мелких деталей рассказа с аналогичными подробностями хроникальных повествований. Так, в "Повести" появление в столице возвратившегося после изгнания императора и его расправа с обидчиками изображаются в следующих словах: "И възыде ому на сръдьце възыскати цьсарьства своего, и съвъща съ воины, иже в странъ тъи, объща им саны и чьсти и дары многы. И преплу к Констянтину граду, и съдъ въ скровнъмь мъстъ. И посла единого оувъдати, гдъ есть цьсарь. И оувъда, яко оутро хощет изыти на ловы. И сташа емоу на пути, грядоущю цьсарю. И скочивше оубиша и."

Те же самые обстоятельства совершенно иначе обрисованы у византийских хронистов и в их славянских переводах. Славянский текст "Хроники" Георгия Амартола, а вслед за ним и "Летописец Еллинский и Римский" (как в его первом, так и во втором виде) опускают приведенные подробности, которые сохранились, однако, в древнем болгарском переводе "Хроники" Симеона Логофета, где они изложены совершенно иначе, чем в нашей "Повести". В этом тексте мы читаем: "Иоустиниан же првношаше в Херсонв, яко паки цьсарьсто прииметь. Граждане же оубоявшеся, помыслиша или оуморити его, или цьсареви послати. Си же оувъдъвь, Иоустинианъ бъжа въ Хазариа. И дасть ему въ жену Хазарскый князь сестру свою Феодору. Си же оувъдъвь, Апсимарь посилаеть къ Хагану молитъвеникы, многы дары обещавая ему, аще Оустиниана жива или поне главу его послеть къ нему. Иоустинианъ же то разувъдъвь, прииде отаи въ Херсонь и, карабль въземь, отплу, в Истрово усты шествие творя. Бури же бывши въсьта(в)ше, отчаящася вътра ради. Нъкто ему от своих рече: Аще спасенъ будеши, о владыко, и тебе цьсарьство богъ даруеть, постави слово, еже ни единому от враговъ своих мъстити.

Онъ же съ яростию гнъвом рече: Здъ да потопить мя Господь богъ, аще пощажду и единого от нихъ. Спас же ся от буря, посла къ Тервелю, блъгарскому князю, прося оу него помощь, яко да пръиметь

 $^{^{12}}$ Ср., однако, с этим другое место "Повести", где читаем: "И посла единаго оув 12 дати".

првродительное си цьсаръство, объщавая ему и множьство даровъ дати. Он же не тьчию помощь, нъ и себе дастъ ему, купно бо съ ним на Цъсариградъ отиде съ многою силою. И оубо въниде Иоустинианъ водоваждею съ малыми от своих им, подведениемъ нъкых от граждан, и изыде оу святыя Аны, въ мъство, зовомое его ради второе, и въниде въ дворь, сущи въ Влахорнах, првемь свое цьсарьство" 13.

Несколько ниже читаем о расправе Юстиниана со своими противниками: "И тако пославь я въ Кинигие, оусъче 4 главы их" (Леонтия,

Апсимара и других) 14.

В обоих приведенных рассказах нельзя не заметить отдельных черт сходства.

По "Повести", Козарин сговаривается с воинами чужой страны, обещая им "саны и чьсти и дары многы". Юстиниан, согласно "Хронике", посылает к болгарскому князю Тервелю, "объщавая ему множьство даровъ дати".

По "Повести", Козарин тайно входит в Константинополь и подстерегает своего противника в "скровнымь мысть". По хронике, Юстиниан входит в Царьград "водоваждею", т. е. тоже незаметно, через

трубу водопровода.

В "Повести" Козарин и окружающие его воины убивают царяузурпатора, в то время как тот "хощет изыти на ловы". Согласно
"Хронике", местом казни противников Юстиниана (Апсимара и Леонтия) является Кинигий. Последнее слово представляет собою географическое название: так именовался один из пригородов Константинополя, вблизи которого обычно производились казни преступников.
По-гречески имя существительное κονήτιον в нарицательном своем значении соответствует русскому "псовая охота". По-видимому, здесь мы
имеем дело с своеобразным переосмыслением народной легенды, создавшейся на основе буквального понимания нарицательного значения.

Нечто подобное, правда, применительно к совершенно иной эпохе, можно найти в другом древнерусском памятнике— "Повести о взятии Цвсаря-града от Фряг" (в 1204 г.), которая, кстати сказать, также

включена в состав "Летописца Еллинского" второго вида 15.

Сообщение этой "Повести" об обстоятельствах бегства царевича Алексея от преследований своего дяди-узурпатора Алексея III проникнуто отголосками народных легенд. Как рассказывается в "Повести", при побеге из Константинополя царевич (Исакович, как он обычно называется в тексте) прячется в бочке с тройным дном. Посланные в погоню сторонники Алексея III настигли корабль в море и "внидоша въ тъ корабль, иде же бяшеть, и вся мъста обискаща, а изъ бъчькъ гвозды вынимаща" 16. Увидев, что из всех бочек течет вода, преследователи ушли прочь, так и не найдя царевича. Ему удалось таким образом спастись бегством в Италию.

Византийские историки — современники, например Никита Хониат, изображают те же факты совершенно иначе. Так, Никита Хониат, описывая события, предшествовавшие IV крестовому походу, говорит: "Между тем Алексей, без сомнения, по мысли своего отца, условился бежать с одним пизанцем, который командовал большим купеческим

16 Новгородская первая летопись старшего и младшего. М.—Л., 1950, стр. 46.

¹³ Симеона Метафраста и Логофета списание мира от бытиа и лътовникъ собранъ от различныхъ лътописець. Славянский перевод хроники Симеона Логофета с дополнениями. Изд. имп. Академии наук. СПб., 1905, стр. 73. В передаче текста мы несколько упрошаем орфографию подлинника.

сколько упрощаем орфографию подлинника.

14 Там же, стр. 74.

15 Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда Фрягами в 1204 году. ТОДРА, т. Х, стр. 120—135.

кораблем, и только ожидал удобного времени ускользнуть морем и закрыть свой след водой. Когда удобное к отплытию время наступило, корабль распустил паруса и с попутным ветром благополучно прибыл в Авлонию на Геллеспонте. Отсюда с корабля оправлена была для принятия Алексея шлюпка в Афиру, по прибытии в которую матросы, чтобы скрыть свое настоящее намерение, начали нагружать песок, как будто нужный кораблю, по выгрузке с него товара, для баласта. Убежав сюда из Дамокрании, Алексей сел в шлюпку и переехал на корабль. Бегство его скоро было замечено, и император приказал немедленно обыскать корабль, но посланные не могли узнать Алексея; он остриг себе в кружок волосы, нарядился в латинскую одежду, смещался с толпою и таким образом укрылся от сыщиков" 17.

Если сравнить сообщения Хониата с тем, о чем рассказывается в "Повести" о взятии Царьграда фрягами, то можно заключить, что последняя основывается, по всей видимости, на византийских устных народных сказаниях, складывавшихся в демократической среде вскоре после описанных в них событий.

Сходным пунктом в версиях обоих рассказов, может быть, являлись слова Хониата "закрыть след свой водой" (εκαιροφυλακει θέσθαι έν θαλασση τὸ ὅρμηια καὶ τὸ ιχνος ἐν πολλοῖς υδασιν), которые, вероятно, и им были взяты из устной традиции. Отсюда же мог появиться и эпизод, носящий безусловно сказочный характер, о бочее с тройным дном 18. Как видим, оба источника роднит то, что они передают эпизоды из жизни византийского придворного общества не так, как их представляли официальные историки и хронисты, а в том виде, как они осмыслялись и истолковывались в народных легендах. Эта связь славянской литературной традиции в первую очередь именно с народно-поэтической струей в византийской культуре вполне объяснима, так как славянские писатели, вероятно, встречались по преимуществу с представителями широких демократических кругов византийского населения и непосредственно от них заимствовали сказания и легенлы.

Некоторое воздействие византийской простонародной стихии на древнерусскую переводную литературу можно заметить и в проникновении в язык переводов отдельных слов, взятых из разговорного языка народа, вместо читаемых в оригинале аналогичных слов, свойственных языку классической эпохи.

Ярче всего это проявляется в переводе "Истории" Иосифа Флавия, в древнерусском тексте, где находим народногреческое "проелевсись" на месте классического θρίαμβος; народногреческое "гистерна" на месте λ аххос или δ є ξ а μ є ν η , народногреческое "хеландии" на месте сочетания ναντικού κατασκευή, народногреческое "лименъ" на месте όρμος или όρμητήριον и т. п. 19 Сделанное нами наблюдение позволяет с новой стороны подойти к изучению древних славянских литератур. Возможно, что в этих литературах можно будет обнаружить произведения византийской устной народно-поэтической литературы, которая в самой византийской письменности не сохранилась, так как господствующие классы Византии не только не были заинтересованы в ее сохранении, но, наоборот, всячески старались ее искоренить.

¹⁷ Nicetae Choniatae Historia. Bonnae, 1835, p. 711, 11-12.

¹⁸ См. Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии. ВВ, ІХ, 1956, стр. 170—185.

19 Подръбнее об этом см.: Н. А. Мещерский. К вопросу о заимствованиях из греческого в древнерусском литературном языке. ВВ, Х!П, 1758, стр. 256—261: его же. Значение древнеславянских переводов для восстановления архетипов (Доклад IV Международному съезду славистов). М., 1958, стр. 30-33.

В то же время указанное обстоятельство имеет немаловажное значение и для понимания характерных черт самих древних славянских литератур, переживавших в то время период своего становления.

Обычно исследователи древнерусской литературы отмечали, что на складывающуюся русскую литературу имела влияние "вовсе не вся византийская культура, а преимущественно та ее часть, которая имела теснейшую связь с господствующим классом византийского общества и отвечала его нуждам" ²⁰.

Д. С. Лихачев справедливо указывал на то, что "культура, которая заимствуется господствующим классом феодальной Руси, была в основном культурой господствующего класса". По его мнению, византийская народная культура особенно отчетливо представлена в восточных, малоазийских провинциях Византийской империи и почти не оказала непосредственного влияния на культуру Руси. "Чисто народная литература, — пишет он, — проникала на Русь неофициальными каналами — вместе с еретическими мнениями. К народной литературе отчасти могут быть отнесены некоторые апокрифы. Пути проникновения их на Русь, однако, не изучены" 21.

Соглашаясь с приведенным утверждением в целом, мы должны вместе с тем подчеркнуть, что вопрос о доле народности в византийской культуре и литературе не может считаться столь ясным, как это кажется Д. С. Лихачеву. Тем более рискованным представляется нам столь определенно высказываться о степени влияния народной струи византийской культуры на культуру и литературу древней Руси. И во всяком случае преждевременным кажется нам утверждение о том, что следы чисто народной литературы можно искать только в апокрифической письменности, проникавшей различными путями на Русь.

Несомненно, не одни апокрифы, но и различного типа хронографы, или исторические своды ("историческая беллетристика"), в какой-то мере отражали именно эту простонародную струю византийской общественной идеологии.

Правильным является признание того, что господствующие классы феодального общества Киевской Руси обращались к культуре и литературе Византии в первую очередь для того, чтобы в них найти идеологическое обоснование своего господства над массами. Однако в каждом обществе, разделенном на антагонистические классы, надстройка, т. е. общественные идеи, политические, правовые и другие учреждения, "отражает эти отношения антагонизма классов" 22.

Следовательно, и византийская литература, являвшаяся частью надстройки, отражавшей экономику феодального общественного строя, не могла не содержать в себе противоречивых элементов. В свою очередь и в идеологии складывавшегося в Киевской Руси феодального общественного строя подобные же внутренние противоречия не могли не сказываться. Поэтому при заимствовании из Византии преимущественно тех явлений культуры, которые соответствовали интересам и вкусам господствующего класса феодалов, в литературе древней Руси (равно как балканско-славянских народов) вместе с тем находили некоторое отражение и те классовые противоречия, которые уже с самого начала проявлялись в византийской литературе. Соотношение между развитием литературы и устного народного творчества в эпоху феодализма изучено пока еще очень мало, но, несомненно, что в различные исторические периоды и у разных народов оно не было одинаковым.

 $^{^{20}}$ Д. С. Λ и хачев. Возникновение русской литературы. М.— Λ ., 1952, стр. 123. 21 Там же, стр. 122, 123.

²² Основы марксистской философии. Госполитиздат, 1958, стр. 447.

Кроме того, нельзя не иметь в виду, что как в литературе, так и в устном народном творчестве отражение идей и интересов угнетенных народных масс не может быть сведено к прямому выражению протеста, к непосредственному призыву уничтожить своих поработителей, к простой революционной агитации. Очень часто эти идеи, "ожидания и чаяния народные", могли выражаться лишь в прикрытой или даже искаженной форме. Иногда же они могли проявиться лишь в том, что народные массы давали своеобразную оценку и объяснения действиям и поступкам, совершенным различными представителями господствующих классов, не в соответствии с той их трактовкой, которая признавалась и прокламировалась в официальных памятниках и панегириках, в произведениях придворных историков и хронистов, а со своей точки зрения, не предвзятой и не регламентируемой государственными и общественными установлениями эксплуататорских верхов.

Таким образом, уже одно только простое проникновение в литературу славянских народов именно этой народно-поэтической стихии, отразившейся в исторических сказаниях и легендах, не могло не сообщить определенных черт своеобразия византийско-славянским связям.

Интересующая нас повесть "О Козарине и о жене его" может, как нам кажется, пролить некоторый свет и на проблему происхождения и распространения всего того литературно комплекса памятников, в состав которых она была внесена.

"Летописец Еллинский" в его второй редакции изучен еще очень мало, и относительно его происхождения и состава мы имеем пока весьма мало научно обоснованных суждений.

В свое время А. А. Шахматов предположил, что в лице этого памятника мы имеем своеобразную болгарскую историческую энциклопедию, восходящую к началу Х в., к периоду правления царя Симеона ²³. Впоследствии труды В. М. Истрина, К. К. Истомина, Д. С. Лихачева и других заставили отказаться от этой гипотезы. "Летописец Еллинский" был бесспорно признан произведением, создававшимся на русской почве, русскими авторами и редакторами и на основе имевшихся в их распоряжении на славяно-русском языке литературных источников. Однако, какие именно источники использовались его составителями, нам пока еще не известно.

Сравнение двух редакций "Летописца Еллинского" по номенклатуре, принятой в нашей филологии со времени труда А. Н. Попова, показывает их непосредственную зависимость друг от друга. Вероятно, более древней и первоначальной следует признать все же так называемую первую редакцию этого памятника, представленную рукописями Синодальной № 280 и Погодинской № 1438 ²⁴. Эта редакция представляет собой своеобразный хронографический свод, в состав которого было включено лишь два источника: перевод "Хроники" Иоанна Малалы ("Летописец Еллинский") и перевод "Хроники" Георгия Амартола ("Летописец Римский"). Тесная связь этих двух произведений не позволяет порою выявить текст того или другого. Отсюда возникло и закрепившееся на русской почве заглавие этого свода.

Однако названный свод, как правильно заметил В. М. Истрин, отличался от аналогично построенного, но не дошедшего до нас и лишь гипотетически восстанавливаемого так называемого "Хронографа

 $^{^{23}}$ А. А. Шахматов. Древнеболгарская энциклопедия X в. ВВ, VII, 1900, стр. 34.

²⁴ В. М. Истрин. "Хроника" Георгия Амартола, т. II, стр. 363-379.

⁵ Византийский временник, т. XVII

по великому изложению", в состав которого также входили названные хроники.

Вторая же редакция "Летописца Еллинского", представленная как привлекаемой нами рукописью, так и ранее известными науке Кириллово-Белозерской 1/6, Синодальной № 86 (которая, заметим, между прочим, является продолжением первой), Чудовской № 3—351, Софийской № 1520, Толстовской № 1, 319, Пискаревской (бывш. Румянцевского музея) № 597 и др. отличается от первой редакции главным образом широким привлечением многих других источников, в некоторой своей части еще не изученных. В первую очередь здесь должны быть названы переводы ветхозаветных библейских книг, среди которых обращает на себя внимание древнерусский по происхождению и по языку перевод книги "Есфирь", созданный не позднее второй половины XI столетия и переведенный непосредственно с древнееврейского, масоретского оригинала 25.

Наряду с названным переводом, сделанным непосредственно с древнееврейского языка, следует указать на наличие в тексте некоторых ветхозаветных библейских книг неоднократно встречающихся еврейских глосс, передающих произношение собственных имен. Такие глоссы, на которые было обращено внимание еще в свое время А. Х. Востоковым 26, обнаруживаются чаще всего в текстах двух первых "Моисеевых" книг "Бытия" и "Исхода". Глоссы эти мы находим прежде всего в рукописи Кириллово-Белозерской № 1/6, т. е. в одном из списков именно "Летописца Еллинского" второй редакции.

Далее, вторая редакция "Летописца Еллинского" отличается от первой наличием в ней текста древнерусского перевода "Александрии". При этом, в противоположность таким всемирно-историческим сводам [как, например, "Архивский" или "Виленский" хронографы и так называемый "Академический хронограф (представленный тремя рукописями — БАН № 45.13.4 и тождественными с нею Уваровской № 3(13) и Троицко-Сергиевской \mathbb{N}_2 1(12)], вторая редакция "Летописца Еллинского" содержит текст "Александрии"— известного произведения Псевдо-Каллисфена, в его так называемой "второй редакции". Эта последняя, обнаруживаемая лишь в списках "Летописца Еллинского" второй редакции, существенно отличается от первой редакции, содержащейся как в "Архивском" и "Виленском", так и в "Академическом" хронографах. В то время как первая редакция "Александрии" представляет собою более или менее точный перевод с обычного греческого текста Псевдо-Каллисфена по типу редакции В, так называемая "вторая редакция" "Александрии" включила в себя многочисленные дополнительные источники -- как западного, так и восточного происхождения.

К западным по происхождению источникам, вошедшим в состав "Александрии" второй редакции, причисляется текст "Сказания об Индийском царстве", переведенный с латинского языка не ранее второй половины XII в. 27 К восточным же источникам могут восходить такие вставки второй редакции, как, например, "Сказание об испытании высоты небесной" и "Сказание о сыновьях Рихава и сыновьях Моисея Эльдада-га-Данита" 28. Оба названные сказания, как и несколько

²⁶ А. Х. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музеума. М., 1842,

²⁵ См. Н. А. Мещерский. К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода. Уч. зап. Карело-финского пед. ин-та, т. II, вып. 1. Петро-заволск, 1756, стр. 178—21).

стр. 30, 31.

27 В. М. Истрин. "Хроника" Георгия Амартола, т. II, стр. 371, 372.

1873 стр. 213—22 28 Его же. Александрия русских хронографов. М., 1893, стр. 213-226.

менее пространных вставок, источники которых В. М. Истрин затруднялся определить, могут быть возведены, по всей видимости, к средневековой еврейской талмудической письменности.

Весьма существенным и характерным дополнением во второй редакции "Летописца Еллинского, является особое "Сказание о взятии Иерусалима, третье, Титово". Оно вставлено в текст "Летописца" в том месте хроник, где говорится о царствованиях римских императоров Веспасиана и Тита. Это своеобразное компилятивное произведение, в котором прослеживаются отдельные сохранившиеся отрывки из хроник Амартола и Малалы; главная же его часть представляет собой не что иное, как древнерусский перевод шестой книги "Иосиппона" (так называется известная средневековая еврейская хронография, охватывающая события мировой истории и преимущественно истории еврейского народа от "Вавилонского столпотворения" до разгрома Иудейского государства и взятия Иерусалима римским императором Титом в 70 г. н. э. 29 После этого следуют в рукописях повесть о посмертном прощении императора Феофила (в двух редакциях) и повести о латинах, "како отлучишася от грекъ".

Далее в составе второй редакции "Летописца Еллинского" находится уже упоминавшаяся нами "Повесть о взятии Царьграда от Фряг" в 1204 г. и ряд связанных с нею мелких вставок. Завершается свод, как уже упоминалось, "Повестью о Козарине и о жене его". Если мы примем во внимание, что окончательное сложение второй редакции "Летописца Еллинского" должно быть отнесено к началу XIII столетия и к Владимиро-Суздальской земле, то неизбежен вывод, что все отмеченные нами произведения уже существовали в литературном обиходе этого времени.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многое в этих произведениях следует отнести к источникам восточного, еврейского происхождения. Подобная структура литературного материала, не только касающегося истории еврейского народа, но и непосредственно восходящего к еврейским оригиналам, дает возможность назвать именно этот памятник в полном смысле слова "Иудейским хронографом". В свое время В. М. Истрин предложил такое название для "Архивского" и "Виленского" хронографов, поскольку их общая и основная часть образуется такими источниками по истории иудейского народа, как библейские книги, "Александрия" и "Иудейская война" Иосифа Флавия.

Однако, как мы могли уже заметить, перечисленные источники используются в этом случае лишь в переводах с греческого языка. Вторая же редакция "Летописца Еллинского", как, впрочем, и так называемая "Толковая Палея", которую В. М. Истрин с полным основанием рассматривал в ряду древнерусских сводов хронографических произведений, представляют собою литературные сборники, наиболее насыщенные еврейской тематикой и использующие непосредственную зависимость от памятников, написанных на древнееврейском языке.

Это явление, как кажется, не может быть случайным. Не находит ли оно своего объяснения в том, что в данном сборнике источников отражены какие-то, оставшиеся нам неизвестными связи с Хазарией, где, как мы знаем, в VIII—X вв. иудейство было господствующей государственной религией и где поэтому был распространен древнееврейский язык в качестве языка культа? В частности, в науке уже было

 $^{^{29}}$ См. Н. А. Мещерский. "История Иудейской войны" Иосифа Флавия в древнерусском переводе, стр. 132-153.

отмечено, что в Хазарии X—XI вв. была известна древнееврейская книга "Йосиппон" 30.

Некоторые языковые особенности указанных переводных памятников, как нами отмечалось в ряде работ, также могут быть признаны свидетельствами о связи их с Хазарской землей 31.

Но если в Хазарском каганате иудейство являлось господствующим вероисповеданием, то еще раньше в нем распространилось христианство, оно поддерживалось там в течение последующих периодов тесным общением с византийской церковью. Среди христианских подданных Хазарского кагана, несомненно, было очень много славян, и едва ли славянский язык не был в результате этого своеобразия общим письменным языком для всего населения каганата в последнее столетие его существования.

Эта христианско-хазарская этническая и бытовая среда, естественно, могла бы служить посредником при передаче славянам произведений еврейской языковой культуры. В той же самой среде, вероятно, могли складываться и передаваться из поколения в поколение повести, подобные нашей, героями которых выступали деятели византийско-хазарской истории.

Таким образом, "Повесть о Козарине и о жене его", сохраненная до наших дней относительно поздними списками "Летописца Еллинского", может рассматриваться как свидетельство не только славяновизантийского, но и славяно-хазарского литературного и культурного общения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О Козарине и о жене его

Рукопись БАН № 33. 8. 131.

Лист 297в

Бы(сть) ц(ьса)рь в Костянтинь град(ь), козаринь родом, и жена его тых же

 $\dot{\mathbf{H}}$ въста на нь другыи $\mathbf{u}(\mathbf{bca})\mathbf{pb}$, и емь его, заточи далеч (\mathbf{e}) , и жену его въ ину

И пребывааше 1 Ц(ьса)рь, ть(и) 2 в заточении, гладом и наготою погыбая 3 , и часто моляше $c(\mathfrak{g})$: $\Gamma(\mathfrak{ocno})$ ди, избави мя от быды сея, яко безь вины страж (\mathfrak{g}) ю 4 .

И възыде ему на ср(ъдь) де възыскати ц(ьса)р(ь)ства своего 5 , и съвъща съ воины, иж(e) въ странъ ть(u) 2 , объща им саны и ч(ьс)ти и дары многы. И преплу къ Костянтину граду и съдъ въ скровнъмь мъсть. И посла единаго оувъдати, [гдъ] есть ц(ьса)рь. И оувъда, яко [оутро] [хо]щет изыти на ловы. И ста[ша] ему на пути, грядущую ц(ьса)рю.

 \acute{H} скочивше оубиша 6 и. И приа $\frak{U}(bca)p(b)$ ство, и поя жену ину и начат $\frak{U}(bca)p(b)$ -

ствовати с нею. Слышавши ж(е) то жена его первая, въставши, иде въ Костянтин град, молящи с(я) б(ог)у и с(вя)тви 7 б(огроди)ци на помощь: Ввси, г(оспо)ди, терпвние мое и слезы моя в и бъду мою и глад, и всяку скорбь,

Примечание: разночтения даются по рукописи Синод. № 86, л. 427 об. В простых скобках помещаем буквы, внесенные в строку из надстрочных написаний, а также восстанавливаемые при раскрытии титл. В квадратные скобки помещены слова, отсут-

ствующие в списке вследствие его плохой сохранности.

1 пребываше C.
2 тои C.
3 погибая C.
4 страх ства C.
6 оубище C.
7 Hem C.
8 моа C 4 стражды C. 5 своего ц(ьса)р(ь)-

³⁰ П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. XXVI—XXXII.

^{» &}lt;sup>31</sup> H. А. Мещерский. Отрывок из книги "Иосиппон" в "Повести временных лет". "Палестинский сборник", вып. 2, 1956, стр. 58—68; его же. К толкованию лексики "Слова о полку Игореве". Уч. зап. ЛГУ, т. 198, серия филол. наук, вып. 24, 1956, стр. 3-9.

Лист 297г

еж(е) приахъ мужа моего рад(и), надъющи с(я) приобръсти. Н(ы)нъ же слышу, яко оженил ся ес(ть) иною женою. И азъ сице забвена в есмь, яко съсудъ погубленъ. И н(ы)нъ, г(оспо)ди, обрати слезы моя в радос(ть) мнъ, молбами рождешая 10 тя. И тако доиде въ Костянтинъ град. И оувъдавши, гдъ есть ц(ьса)рь и ц(ьса)рица, и 11 иде одина, не имущи помощника, токмо прес(вя)тую б(огороди)цю. Въшедши он въ дворъ ц(ьса)рьскый, и ста близ полаты 12, в нем ж(е) бѣ ц(ьса)рица. [Бѣаше] бо ц(ьса)рица та м(и)л(о)стива отинудь 13 — убогым и обидимым по-

мощница.

И възопи жена: Взовете 14 ми ц(ьса)рицу 15, понеж(е) бо прю имъю с нею, обиду ми ес(ть) створила велику.

Слышавши бо иже 16 ту пръдстоящии сице ругаху ся си: Что уродуещи жена

бо еси сущи? ¹⁷

И абие поведаша ц(ьса)рици, и подиви ся, что се будетъ. И се пакы изыде ц(ьса)рица и рече: Что имаши прю со мною? И глагола си жена: По что 18 пояла еси мужа моего? Не въси ли, яко писано есть, иж(е) 19 вторы(и) брак

Лист 298a

по нуж(a)и бывает? Азъ же ничто же не 20 съгръщих къ мужю своему, нъ паче пострадах его ради.

И сказа си все по рядоу

Слышавши же ц(bca)рица 21 сиа г(naro)ли, исъходящая 22 изъ оустъ жены 23 , оудиви ся велми, паче же и 6(or)а оубоя $c(s)^{24}$.

 Γ (лаго)ла жень: Въ правдоу препръла мя еси. Твои есть моужь, и не обиж(д)ю 25

И дасть ю мужеви своему. А сама изыде ис полаты 12 ц(ьса)рьскыя.

 9 заблена C. 10 рожшая C. 11 Hem C. 12 палаты C. 13 Hem C. 14 взовите C. 15 ц(ьса)рици C. 16 Hem C. 17 сущіи C. 18 Добавлено: сице C. 19 Добавлено: б C. 20 Hem C. 21 ц(ьса)рь C. 22 исходящи C. 23 Добавлено: и C. ²⁴ Добавлено: и С. ²⁵ обижду С